
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 34.01

*В.А. Лазарева****ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ КАК ОСНОВАНИЕ
ПРИМЕНЕНИЯ ГЛАВ 32.1, 40, 40.1 УПК РФ**

В статье анализируются проблемы реализации принципа презумпции невиновности в уголовном процессе в рамках процедур, основанных на признании обвиняемым вины (предусмотренных в главах 40, 32.1 и 40.1 УПК), обосновывается вывод о недопустимости переоценки роли признания вины при вынесении приговоров.

Ключевые слова: презумпция невиновности, признание вины, особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве, обоснованность приговора.

Обвинительный приговор как итог надлежащей процессуальной деятельности должен быть законным, обоснованным и справедливым. Это означает, что выводы суда о виновности обвиняемого должны опираться на достаточную совокупность законным образом полученных достоверных доказательств. Обязанность предоставить суду такие доказательства лежит на обвинителе. Обвинитель также обязан помочь суду преодолеть сомнения в виновности обвиняемого, порожденные недостаточностью или необеспеченностью доказательств, так как непреодоленные сомнения не позволяют суду постановить обвинительный приговор. Обвиняемый при этом не только не обязан содействовать органам уголовного преследования в установлении обстоятельств преступления, он не обязан доказывать и свою невиновность. Правила доказывания виновности лица в совершении преступления, существующие в цивилизованном обществе, обусловлены таким важнейшим принципом осуществления правосудия, как презумпция невиновности (пункт 2 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; пункт 2 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах; часть 1 статьи 49 Конституции Российской Федерации; часть 1 статьи 14 УПК).

Презумпция невиновности, таким образом, предопределяет важнейшие характеристики уголовно-процессуальной деятельности. Виновность лица, обвиняемого в совершении преступления, должна быть достоверно доказана совокупностью доказа-

* © Лазарева В.А., 2016

Лазарева Валентина Александровна (v.a.lazareva@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

тельств, собранных по уголовному делу, поэтому недоказанная виновность равнозначна по последствиям доказанной невиновности — при недостаточности обвинительных доказательств лицо должно быть полностью реабилитировано (ч. 2–4 ст. 302 УПК РФ). Все сомнения в виновности, а также в обосновывающих обвинение фактических обстоятельствах, которые не были устранены к моменту принятия решения, толкуются в пользу обвиняемого (ч. 3, 4 ст. 14 УПК). Обязанность доказать виновность обвиняемого и опровергнуть доводы стороны защиты возложена на обвинителя (ч. 2 ст. 14 УПК).

Презумпция невиновности — это прежде всего важнейшая гарантия прав обвиняемого, обеспечивающая ему возможность оспаривать, используя установленные законом процедуры, обвинение на всех этапах производства по уголовному делу до момента вступления приговора в законную силу. Отказ от дачи показаний, как и отрицание своей причастности к преступлению — законные способы защиты. Поэтому органы уголовного преследования (полиция, следователь, прокурор) обязаны доказать виновность обвиняемого, не прибегая к помощи последнего. Отсюда запрет домогаться показаний обвиняемого путем угроз, насилия и иных незаконных мер (ст. 4 ст. 164), который содержался как в царском Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 405, 406, 685), так и во всех советских УПК (ст. 139 УПК 1922 г., ст. 136 УПК 1923 г., ч. 3 ст. 20 УПК 1960 г.).

Однако? декларируя презумпцию невиновности и формулируя вытекающие из нее правила уголовно-процессуального доказывания, ни международное, ни отечественное право не препятствуют добровольному признанию обвиняемым своей вины, напротив, всячески стимулируют такое поведение предоставлением различных льгот и индульгенций. Явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, заглаживание причиненного вреда признаются и применяются в качестве обстоятельств, смягчающих вину и уменьшающих ответственность. По делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, а также в иных специально оговоренных нормами УК РФ случаях деятельное раскаяние, способствовавшее раскрытию преступления, даже может повлечь освобождение от уголовной ответственности. Подобные правовые последствия признания вины называют иногда мерами, стимулирующими дачу правдивых показаний¹. Более того, в мире активно используются разного рода ускоренные и упрощенные процедуры уголовного судопроизводства, применение которых обусловлено признанием вины. Тенденция к ускорению (и удешевлению) судопроизводства не миновала и Россию, где к известному и уже ставшему привычным «особому порядку» судебного разбирательства, применяемому по ходатайству обвиняемого, согласного с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК), с недавних пор добавился еще один «особый порядок», применяемый по делам с досудебным соглашением о сотрудничестве (глава 40.1 УПК), а позднее и по делам о преступлениях, расследованных в сокращенной форме дознания².

Применение особого порядка проведения судебного заседания и постановления приговора во всех названных случаях обусловлено позицией обвиняемого. Несмотря на определенные терминологические расхождения в формулировании условий рассмотрения уголовного дела в особом порядке и дискуссионность этого вопроса в научной литературе, общепризнано, что во всех случаях сообщение сведений о собственном участии в преступной деятельности, то есть признании вины, является обязательным условием применения упрощенной формы судопроизводства. Наиболее четко это выражено в п. 2 части 2 ст. 226.1 УПК — «подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела».

Признание обвиняемым вины как проявление диспозитивности, свойственной состязательному процессу, так же как признание иска, означает отсутствие или прекращение спора по вопросу, определяющему предмет судебного разбирательства, в данном случае о виновности и, таким образом, устраняет необходимость ее доказывания [2, с. 157–160; 3, с. 80–94], поэтому в структуре особого порядка судебного разбирательства нет судебного следствия как такового. Согласно ч. 5 ст. 316 УПК, которая с некоторыми особенностями применяется во всех известных нашей практике особых порядках, судья не проводит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, хотя может исследовать обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Согласно ч. 4 ст. 317.7, судья исследует лишь обстоятельства, подтверждающие выполнение обвиняемым условий досудебного соглашения. Доказательства, подтверждающие виновность подсудимого, суд не проверяет. Отсюда делается вывод – признанию вины придается значение бесспорного доказательства, от этого «уходили многие годы после А.Я. Вышинского» [4, с. 58] – постановленный в особом порядке обвинительный приговор основан исключительно на признании подсудимым своей вины [5], роль суда сводится к назначению справедливого наказания [6, с. 62].

Утверждение достаточно серьезное, если не сказать опасное. Оно, по сути, не только возвращает признанию вины значение «царицы доказательств», но и ставит под сомнение вытекающее из презумпции невиновности требование доказанности обвинения и, как следствие, требование обоснованности приговора. В сознании правоприменителя формируется прочное убеждение в том, что обусловленные презумпцией невиновности стандарты доказывания к делам, рассматриваемым в особом порядке, не применяются. Коль скоро результаты предварительного расследования не подлежат судебному контролю, достаточно завершить расследование получением согласия обвиняемого на рассмотрение дела в особом порядке.

Подменяя установку на полное и всестороннее расследование преступления, эта цель становится доминирующей, что приводит к снижению и без того невысокого качества предварительного расследования. Как показывают результаты эмпирических исследований, 34 % опрошенных прокуроров считают одно лишь наличие в деле признания подсудимого достаточным для вывода об обоснованности обвинения³.

Подобная трактовка оснований применения особого порядка судебного разбирательства отражает привычные стереотипы, прочно въевшееся в наше сознание представление об обвиняемом как о виновном. Отсюда стремление к получению признания как лучшего доказательства и к прекращению доказывания по достижении этой цели. Поэтому представляется чрезвычайно важным понять, действительно закон допускает вынесение необоснованного обвинительного приговора (приговора, основанного на одном лишь признании вины) при рассмотрении уголовного дела в особом порядке или такая трактовка требований закона отражает общую тенденцию правоприменительной практики, обусловленную застарелыми дефектами правового сознания.

Вводя в практику уголовного судопроизводства упрощенные формы, законодатель предусмотрел достаточные с точки зрения здравого смысла гарантии против формирования таких представлений. Это возможность упрощения процедуры судебного разбирательства исключительно по воле обвиняемого, ориентация на обеспечение обвиняемому возможности принять соответствующее решение самостоятельно, осознанно и информированно, гарантией чему является требование обязательного участия в процессе принятия им решения и в последующих судебных процедурах защитника, а также возможность в любой момент вернуться к обычной судебной процедуре. Нигде в правилах предварительного расследования нет указаний на то, что при

наличии перспективы рассмотрения дела в особом порядке следователь, дознаватель освобождаются от обязанности установления всех обстоятельств, имеющих значение для дела, путем собирания и проверки достаточной совокупности достоверных доказательств. Никто не отменяет принципиальное требование обоснованности решений органа расследования (ч. 4 ст. 7 УПК) и прокурорский надзор за его выполнением. Статья 317.4 (ч. 1) подчеркивает, что производство предварительного расследования при заключении с обвиняемым досудебного соглашения осуществляется в порядке, установленном главами 22–27, 30 УПК РФ, а применительно к главе 40 УПК такого указания не требуется, поскольку решение о ее применении применяется уже по окончании расследования, которое, если следовать логике, должно быть произведено в полном соответствии с требованиями закона.

В этом отношении более уязвима процедура сокращенного дознания, так как глава 27.1 предусматривает значительные изъятия из общих правил производства предварительного расследования⁴. Тем не менее законодатель и здесь предусмотрел гарантии обоснованности решения о виновности. Как минимум тут необходимо указать на обращенное к дознавателю требование собрать доказательства «в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления» (ч. 1 ст. 226.5). И хотя для этого дознаватель обязан произвести только те следственные действия, не производство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств (ч. 2 ст. 226.5), он не лишен права провести любые следственные действия, требуемые обстоятельствами дела.

Таким образом, уголовное дело, поступающее на рассмотрение в особом порядке судебного разбирательства, не может априори рассматриваться как «следственный хлам», который отправлен в суд с недостойными целями. В нормальной логике нормальное качество предварительного расследования таких дел законодательно вполне обеспечено. Следовательно, претензии к реальному качеству предварительного расследования лежат в иной плоскости.

Осмелимся предположить, что установка на получение признания вины не является особенностью расследования только дел, имеющих перспективу рассмотрения в одном из особых порядков. Более того, вопреки распространенному мнению, признание обвиняемым своей вины не является ни основанием рассмотрения дела в особом порядке, ни тем более основанием вынесения обвинительного приговора.

Прежде всего опровергнем утверждение о том, что применение особых порядков обусловлено исключительно признанием вины. Ошибочность этого утверждения кроется в забвении публичности как имманентного признака (принципа) уголовного процесса. Последствия признания вины в уголовном процессе в силу его публичного начала не могут быть тождественны последствиям признания иска в процессе гражданском⁵. Принципы уголовного процесса требуют несомненной доказанности вывода о виновности вне зависимости от отношения обвиняемого к предъявленному обвинению. Вина должна быть одинаково доказана как в том случае, где обвиняемый отрицает свою вину, так и в том, где он ее признает. Исключение показаний обвиняемого из совокупности исследуемых судом доказательств не должно уменьшать достоверность вывода о доказанности обвинения точно так же, как наличие таких показаний не должно повышать достоверности этого вывода. Безусловная доказанность обвинения доказательствами, не имеющими в качестве своего источника самого обвиняемого, исключает потребность в подтверждении правильности обвинения самим обвиняемым и необходимость любым способом воздействовать на него, побуждая к даче соответствующих показаний.

Согласно букве закона, «обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства». Эта, может быть, и не совсем удачная формула соединяет два взаимосвязанных, но различающихся между собой самостоятельных правовых явления — повод к рассмотрению дела в особом порядке, то есть ходатайство обвиняемого, и основание применения процедуры, позволяющей постановить приговор без исследования доказательств, то есть согласие с предъявленным обвинением. Сказанное не означает, что дело может быть рассмотрено в особом порядке и при непризнании обвиняемым своей вины. Но предусмотрев в качестве основания рассмотрения дела в особом порядке именно согласие с обвинением, законодатель, как нам представляется, разграничивает признание вины как доказательство и согласие с обвинением как отказ от гарантированного ему права защищаться от обвинения, оспаривать его. Тем самым законодатель дает понять, что не «царица доказательств» определяет истинность приговора (ст. 77), постановленного в особом порядке, а вся совокупность собранных органом расследования доказательств, которая убедила обвиняемого в выборе именно такого способа защиты. Согласие с обвинением не имеет доказательственного значения, а признание вины не является основанием вынесения приговора без судебного разбирательства, но если обвиняемый не признает вину, нельзя говорить о том, что он согласен с предъявленным обвинением. Именно так «согласие с обвинением» толкует Верховный Суд РФ, разъясняя, что под обвинением, с которым согласен обвиняемый, следует понимать фактические обстоятельства содеянного, форму вины, мотивы совершения деяния, юридическую оценку содеянного, а также характер и размер причиненного его деянием вреда (п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого судебного разбирательства уголовных дел»). Судьи, принимая решение о рассмотрении дела в особом порядке, всегда спрашивают у подсудимого, признает ли он себя виновным и достаточно часто — согласен ли он с квалификацией преступления. И хотя закон этого не требует, такие вопросы позволяют судье убедиться в том, что обвиняемый понимает, с чем он соглашается.

Согласие с обвинением, безусловно, предполагает признание вины, а признание вины является обязательным условием принятия рассматриваемого процессуального решения, но это не тождественные⁶, а принципиально разные явления. Учитывая, что право заявить ходатайство о применении предусмотренного главой 40 УПК особого порядка вынесения приговора обвиняемый реализует на этапе или после окончания предварительного расследования, а значит, после ознакомления со всеми материалами уголовного дела, его согласие с обвинением касается всех аспектов этого понятия. Согласие с обвинением — это не только подтверждение обвиняемым факта совершения им определенного преступного деяния (обвинения в материальном смысле), то есть собственно признание вины, но и подтверждение правомерности его обвинения в этом преступлении (обвинения в процессуальном смысле), а значит, и согласие с теми доказательствами⁷, которыми он уличен. Соглашаясь с обвинением, лицо признает его обоснованным, а значит, признает уличающие его доказательства убедительными и достаточными. Настолько убедительными и настолько достаточными, что оспаривать обвинение не имеет для обвиняемого практического смысла. Ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке в рассматриваемой формуле ч. 1 ст. 314 вторично, основанием для заявления обвиняемым такого ходатайства является его внутреннее согласие с обвинением.

При таком подходе ошибочным представляется и утверждение о том, что обвинительный приговор, постановленный судом в особом порядке, основан исключительно на признании вины — как минимум он основан и на факте подтверждения обвиняе-

мым наличия в деле достаточных для уличения его в совершении преступления доказательств. Поэтому если предварительное расследование произведено по всем правилам закона, если обвиняемый имел возможность воспользоваться гарантированным ему правом на квалифицированную юридическую помощь, если судья убедился в самостоятельности и осознанности заявленного обвиняемым ходатайства, можно уверенно утверждать, что вывод о виновности обвиняемого, предшествующий постановлению судом приговора, является в достаточной степени обоснованным.

Обратим внимание – глава 40 УПК не ориентирует судью на получение от обвиняемого подтверждения признания вины, она ориентирует его на вынесение обоснованного приговора, то есть приговора, содержание которого опирается на доказательства (ч. 7 ст. 316 УПК). Судья выясняет у обвиняемого, понятно ли ему обвинение и согласен ли он с ним, поддерживает ли он свое ходатайство, добровольно ли оно было заявлено, обеспечена ли была возможность проконсультироваться с защитником, понимает ли обвиняемый последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства, из чего вытекает, что эти последствия судья обязан ему разъяснить (ч. 4 ст. 316). При наличии сомнений в любых значимых для целей правосудия обстоятельствах суд обязан перейти к рассмотрению дела в общем порядке (ч. 6 ст. 316). Причем это решение судья принимает не только при наличии каких-либо возражений против вынесения приговора без исследования доказательств со стороны обвиняемого, потерпевшего, государственного или частного обвинителя, но и по собственной инициативе, руководствуясь своим внутренним убеждением. Основанием для этого могут быть, в частности, имеющиеся в материалах дела жалобы обвиняемого или его защитника на ограничение их прав, нарушение порядка производства следственных действий или неудовлетворенные органами расследования ходатайства о дополнении предварительного расследования.

Утверждение об отсутствии у суда возможности выполнить требование п. 7 ст. 316 и убедиться в обоснованности обвинения, поскольку доказательства не исследуются в условиях непосредственности, представляется не бесспорным, а тезис об отсутствии судебного следствия – излишне категоричным. Во-первых, судья обязан исследовать обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства (ч. 5 ст. 316); во-вторых, он исследует, как было показано выше, обстоятельства, сопутствующие заявлению подсудимым ходатайства о применении особого порядка принятия решения; в-третьих, суд обязан выяснить отношение к этому ходатайству потерпевшего и государственного обвинителя, а значит, мотивы их согласия на применение особого порядка. Учитывая, что и государственный обвинитель, и потерпевший знакомы с материалами уголовного дела, следует признать, что их позиция по вопросу о применении особого порядка, коль скоро никто из них не заявил о недостатках расследования, также основана на доказательствах.

Следует также иметь в виду, что условие непосредственности имеет значение, главным образом для исследования устных сообщений свидетелей, потерпевших, обвиняемых. Вещественные доказательства и документы без какого-либо ущерба для непосредственности могут быть изучены – и изучаются – судьями, объяснения обвиняемого и потерпевшего судья выслушивает непосредственно, никто из участников судебного разбирательства не ограничен в праве задавать им любые вопросы. Полагаем, что при возникновении необходимости допросить свидетеля судья всегда может это сделать, не переходя к обычной судебной процедуре.

Как видим, предусмотренный действующим законом упрощенный порядок принятия судебного решения при условии добросовестного выполнения всеми субъектами уголовно-процессуальной деятельности своих обязанностей обеспечивает возмож-

ность справедливого разрешения уголовного дела. Если обвиняемый, имевший возможность беспрепятственно и в достаточной мере консультироваться с защитником, подтверждает соблюдение порядка предварительного расследования и демонстрирует понимание последствий своего отказа от возможности оспорить обвинение, а судья не находит иных препятствий к рассмотрению дела в особом порядке, законность и обоснованность вынесенного им приговора не вызовет сомнений.

При рассмотрении уголовного дела в особом порядке центр судебского внимания перемещается с вопроса о достаточности доказательств обвинения на вопрос о достаточности гарантий для обвиняемого. В этом отношении главы 32.1 и 40.1 УПК РФ, предусматривающие рассмотрение по правилам ст. 316 уголовных дел, расследованных в сокращенной форме дознания или имеющих досудебное соглашение о сотрудничестве, уступают главе 40.

Достаточно сказать, что глава 40.1 УПК не содержит нормы, предполагающей разъяснение обвиняемому уголовно-процессуальных последствий заключения соглашения о сотрудничестве. Нигде, в частности, не сказано, что до сведения обвиняемого необходимо довести возможность рассмотрения судом его дела особым порядке, как и особенности этого порядка. Более того, закон не связывает применение особого порядка судебного разбирательства с волей обвиняемого, согласно ч. 1 ст. 317.6 УПК РФ, «основанием для рассмотрения судом вопроса об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения... является уголовное дело, поступившее в суд с представлением прокурора...». Переведем эту корявую формулу на понятный язык, получаем, что основанием для рассмотрения уголовного дела в особом порядке является не согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, а представление прокурора о выполнении обвиняемым условий заключенного с ним соглашения о сотрудничестве⁸.

Обвиняемого, судья по тексту закона, никто и не спрашивает о согласии на применение упрощенной процедуры, он узнает о специфике ожидающего его судебного разбирательства, только получив копию вынесенного прокурором в порядке ст. 317.5 (ч. 1) представления. Остается гадать – законодатель либо не считает мнение обвиняемого юридически значимым, либо считает, что, согласившись на сотрудничество со следствием, обвиняемый согласился и на особый порядок постановления приговора, но и то, и другое не соответствует тому уровню гарантий, который достигнут в главе 40 УПК. В то же время, учитывая применимость в производстве по таким делам положений ст. 316 УПК, судья обязан выяснить все указанные в ее ч. 4 вопросы, в том числе добровольность заявления ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке, которое подсудимый не заявлял. Соединив в главе 40.1 два самостоятельных института уголовно-процессуального права – сотрудничество со следствием и особый порядок судебного разбирательства, законодатель допустил ошибку, вследствие чего упустил из виду необходимость указания на основание рассмотрения дела в особом порядке – согласие с обвинением и повод к рассмотрению вопроса о возможности применения такого порядка – ходатайство обвиняемого.

Тот же недостаток мы обнаруживаем в главе 32.1 – согласившись на сокращенную форму дознания, подозреваемый как бы автоматически соглашается и на особый порядок судебного разбирательства, хотя в отличие от главы 40.1 дознаватель здесь должен разъяснить подозреваемому правовые последствия проведения дознания в сокращенной форме (ч. 1 ст. 226.4), а значит, порядок судебного разбирательства и особенности обжалования приговора, хотя об этом четко нигде не сказано. Учитывая, что ходатайство о проведении дознания в сокращенной форме подозреваемый должен заявить еще до момента первого допроса, его согласие с описанием в постановлении о возбуждении уголовного дела совершенного им деяния и его квалификацией не ос-

новано, как в двух других случаях, на доказательствах. Признание подозреваемым своей вины, достаточное для применения сокращенной формы дознания, не является достаточным для применения особого порядка судебного разбирательства. Как и в двух других случаях, основанием применения в таких делах ст. 316, а здесь и ст. 317 УПК следует считать ходатайство обвиняемого, основанного на согласии с обвинением, заявленное после ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела.

Общая правовая природа существующих сегодня в РФ особых порядков судебного разбирательства требует унификации оснований их применения и процессуальной формы.

Формулируем выводы:

1. Существование особых (упрощенных и ускоренных) порядков судебного разбирательства в уголовном процессе не разрушает целостности уголовно-процессуального регулирования. Нормативное регулирование особых порядков судебного разбирательства в целом, обеспечивает право обвиняемого на защиту и содержит достаточные гарантии законности и обоснованности приговора.

2. Основанием упрощения формы уголовного судопроизводства в главах 32.1, 40, 40.1 УПК РФ является выраженное обвиняемым согласие с обвинением, обусловленное не только собственным признанием вины, но также наличием в материалах уголовного дела достаточной для изобличения обвиняемого совокупности доказательств.

Примечания

¹ Заметим, однако, что в работе [1, гл. 4], как и во многих других работах, под правдивыми показаниями обвиняемого почему-то, как правило, понимается именно и только признание вины.

² Особенности судебного производства по таким делам содержатся почему-то в ст. 226.9 УПК, расположенной в главе 32.1 УПК, регулирующей дознание как форму досудебного производства.

³ Такие данные получены А.С. Закотянским [7, с. 135].

⁴ Наше достаточно критическое отношение к этой законодательной новелле было изложено в ряде предыдущих публикаций [8–10].

⁵ Основанные на логике уголовного иска аргументы в пользу признания вины как основания применения главы 40 УПК см. [11, с. 159].

⁶ Большинство исследователей отождествляют признание вины и согласие с обвинением. См. об этом [3, с. 135; 12].

⁷ На этот аспект согласия с обвинением обратили внимание, в частности, М.С. Бурсакова, А.А. Шамардин [13].

⁸ Критику этих положений главы 40.1 см. подробнее [10; 12].

Библиографический список

1. Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб.: Изд. Дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004.
2. Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. М.: Проспект, 2010.
3. Кирьянов А.Ю. Презумпция невиновности в современном уголовном процессе России и актуальные проблемы ее реализации. Самара, 2009.
4. Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая – продолжение реформ. М.: Юрлитинформ, 2002.
5. Быков В., Громов Н. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Уголовное право. 2004. № 2. С. 92–93.

6. Победкин А.В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. 2003. № 1.
7. Закотянский А.С. Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2015.
8. Лазарева В.А. Нужны ли такие изменения в процедуре дознания? // Уголовный процесс. 2012. № 6.
9. Лазарева В.А. Дознание в сокращенной форме: вопросы доказывания // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: сб. науч. тр. Вып. 3. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014.
10. Лазарева В.А., Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовному делу в свете ФЗ №23 от 04.03.2013 // НЖ Библиотека криминалиста. № 6. 2014. С. 375–382.
11. Касаткина С.А. Признание вины: монография. М.: Проспект, 2010.
12. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. С. 146–148.
13. Бурсакова М.С., Шамардин А.А. К вопросу о правовой природе особого порядка судебного разбирательства и проблемах его совершенствования // Российский судья. 2005. № 10. С. 13–14.

References

1. Novikov S.A. Pokazaniia obviniaemogo v sovremennom ugovolnom protsesse Rossii [Testimony of the defendant in the modern criminal process of Russia]. SPb.: Izd.Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2004 [in Russian].
2. Kasatkina S.A. Priznanie obviniaemogo: monografiia [Confession of the accused. Monograph]. M.: Prospekt, 2010 [in Russian].
3. Kiryanov A.Yu. Prezumpsiia nevinovnosti v sovremennom ugovolnom protsesse Rossii i aktual'nye problemy ee realizatsii [Presumption of innocence in modern criminal process of Russia and actual problems of its implementation]. Samara, 2009 [in Russian].
4. Boikov A.D. Tret'ia vlast' v Rossii. Kniga vtoraiia – prodolzhenie reform [Third power in Russia. The second book – continuation of reforms]. M.: Iurlitinform, 2002 [in Russian].
5. Bykov V., Gromov N. Osobyi poriadok priniatiia sudebnogo resheniia pri soglasii obviniaemogo s pred'iavlenym emu obvineniem [Special procedure for adoption of court decision with the consent of the accused with the charges against him]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2004, no. 2, pp. 92–93 [in Russian].
6. Pobedkin A.V. Nekotorye voprosy sobiraniia dokazatel'stv po novomu ugovolno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu Rossii [Some issues of the collection of evidence under new criminal procedural legislation of Russia]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2003, no. 1 [in Russian].
7. Zakotyanski A.S. Problemy ispol'zovaniia neprotsessual'noi informatsii v dokazyvanii po ugovolnym delam [Problems of using non-procedural information in averment on criminal cases]. M.: Iurlitinform, 2015 [in Russian].
8. Lazareva V.A. Nuzhny li takie izmeneniia v protsedure doznaniia? [Do we need such changes in the procedure of inquiry?]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal process], 2012, no. 6 [in Russian].
9. Lazareva V.A. Doznanie v sokrashchennoi forme: voprosy dokazyvaniia [Inquiry in the abbreviated form: evidential matters]. *Gosudarstvo i pravo: voprosy metodologii, teorii i praktiki funktsionirovaniia. Sb. nauchnykh trudov. Vyp. 3* [State and law: issues of methodology, theory and practice of functioning. Collection of research papers. Issue 3]. Samara: Izd-vo Samarskii universitet, 2014 [in Russian].
10. Lazareva V.A., Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnomu delu v svete FZ №23 ot 04.03.2013 [Proof and proving in a criminal case in the light of the Federal Law № 23 dated 04.03.2013]. *NZh Biblioteka kriminalista* [The Criminalist's Library Scientific Journal], 2014, no. 6, pp. 375–382 [in Russian].
11. Kasatkina S.A. Priznanie viny: monografiia [Admission of guilt. Monograph]. M.: Prospekt, 2010 [in Russian].

12. Kuvaldina Yu.V. *Predposylki i perspektivy razvitiia kompromissnykh sposobov razresheniia ugolovno-pravovykh konfliktov v Rossii. Diss. kand.iurid.nauk* [Preconditions and prospects of development of compromise ways of resolving criminal and legal conflicts in Russia. Candidate's of Law thesis]. Samara, 2011, pp. 146–148 [in Russian].

13. Burchakova M.S., Shamardin A.A. K voprosu o pravovoi prirode osobogo poriadka sudebnogo razbiratel'stva i problemakh ego sovershenstvovaniia [On the issue of the legal nature of special proceedings and the problems of its improving]. *Rossiiskii sud'ia* [Russian judge], 2005, no. 10, pp. 13–14 [in Russian].

*V.A. Lazareva**

**PLEA OF GUILTY AS A BASIS FOR THE APPLICATION OF CHAPTERS 32.1,
40, 40.1 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

This article concerns problems of realization of the principle of presumption of innocence within the procedures based on confession of guilt of the accused (provided in Chapters 40 and 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), and we come to the conclusion about inadmissibility of overvalue of a role of confession of guilt at criminal sentencing on such cases and need of improvement of the legislation in this area.

Key words: presumption of innocence, confession of guilt, special order of court examination, prejudicial cooperation agreement, validity of a sentence.

* *Lazareva Valentina Alexandrovna* (valazareva@mail.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.